

Освобожденный. См. следующие страницы.

Великий
освобожденный
стих

Антология медитативных строк

Составитель: Александр Акулов

Верлибр не является полностью свободным стихом, поскольку обычно в нем формально недопустимы элементы поэтической ритмизации, иррегулярные, случайные или даже необычные по расположению рифмы, скрытые от беглого взгляда. Считаются крайне нежелательными ассонансы и всякая преимущественная опора на гласные. Да и аллитерация не приветствуется. Оказывается чуждым белый стих, хотя и здесь вполне достижимы раскованные варианты, комфортные для современного восприятия... Намек на античные размеры? Долой! Существуют апологеты "чистого верлибра", которые гневно вычеркнули из готового сборника всякое отклонение от кажущейся им нормы.

Именно поэтому мною применен термин "освобожденный стих". Неплохим было бы название: "Великий нерифмованный стих", но оно оказалось бы неточным, поскольку слово "рифма" многосмысленно, да и специально ставить задачу абсолютного избавления от рифм творчески непродуктивно.

С одной стороны, чистый верлибр плохо прививается на русской почве, нередко отталкивает, с другой стороны, в современном мире классический стих стремительно устаревает, уже устарел. Нельзя бесконечно подстраиваться под достижения позапрошлого века. Времена давно изменились. Нужно искать некоторый промежуточный путь. Однако для этого требуется определенная критическая масса, набор примеров предельно удачных свободных строк. При этом главное в выборе — борьба не с формой, но — с бытовщиной. А именно заигрывание с бытовщинкой — главный грех современной поэзии. Он регулярно поражает от 90 до 98 % произведений.

Авторы

Ганс Арп
Фридрих Гёльдерин
Георг Тракль
Басё
Фудживара-но-Кинто
Минамото-но-Тамэоси

Хлебников
Федерико Гарсиа Лорка

Из "Песни Песней"
Древний Египет
Древняя Индия
Сапфо
Чжу Дуньжу
Ли Инно

Ив Бруссар
Иван Голль
Жозе Гомес Феррейра
Вальтер Хельмут Фриц
Аниз Кольц
Анна Берже
Халина Посвятовская
Роберт Крили
Айги
Аркадий Драгомощенко

Жуковский
Русский фольклор

Эдит Сёдергран

Бальмонт

Блок

Николай Гумилев

Фет

ГАНС АРП

Душистый свет
нежный как сад в цвету
проникает в меня.
Изморозь
аромата.
Я шагаю
легко и быстро
по светлым лепесткам величиною с округу.

/ В. Куприянов /

Земля и небо

сливаются.

Синь расцветет

отцветает

зацветает вновь.

Душистый звонкий свет пронизывает меня.

Я покоюсь

зыблемый светом в душистом звонком

радужном роднике.

Дрожащие венцы света
опускаются рядом со мной.
Всплывают рядом со мной.
Они звенят
задевая меня.
На мне распадается платье Нарцисса.

Мое сердце
парит над звёздным лугом
среди бесчисленных звезд.
Подо мною всё сильнее синь.
Нежные звёзды пускают корни во мне
Надо мною всё синее синь.

Душистые звонкие радужные миры
затянули безмерные глубины и выси
Я покоюсь посреди
играющих парящих венцов света.
Они сквозь меня воспаряют и падают.
Я покоюсь в чрезмерном
веселье и свете
в самой глубине бесконечного родника.

Едва ощутима земля.

Синь подножия всё синее.

Шаг мой всё легче и легче.

Скоро я воспарю.

Поющие звёзды блуждают вместе со мной.

Я чую глубокие выси
и высокие глубы
Надо мной и подо мной
мощно пронизывающие меня
Нежно и весело
пребываю я на земле.

Звонит

шумит

откликается

изморозь

аромата

становясь блаженно поющей синью.

Синь плодоносит светом.

Я слышу шепот звон гул смех.
Уже звучат переливы. Слепящий расколотый свет
Нежные звёзды пускают корни во мне.

Нежные вечности
пускают корни во мне.
Наконец наконец
могу я время транжирить
миг за мигом
бесконечностями
небрежно в душистом звоне
среди изобильных
внутренних звёзд
в самой глубине бесконечного светлого родника.

Цветыоблака
облакацветы.
Отражаются звоны
в безмерности.
Синие воспоминания,
Между высью и глубию
аромат и синь
рожденные в тех родниках
у которых я грезил ребенком.

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН

О, города Евфрата!
О, улицы Пальмиры!
Леса колонн среди пустынь великих.
Что стало с вами?
Когда переступили вы
Положенные смертным рубежи;
Пожрал вас яростный огонь,
Низвергнутый с небес;
Вы превратились в дым
А я теперь сижу под облаками
Недвижными, спокойными, под сенью
Раскидистых дубов,
Где бродит лань, и чуждыми
И мертвыми мне кажутся
Блаженные духи.

/ Эткинд /

В диких розах,
С желтыми грушами никнет
Земля в зеркало зыби,
О лебеди, стройно
И вы, устав от лобзаний,
В священную трезвость вод
Клоните главы,
А ныне где я найду
В зимней юдоли цветы — о, где
Свет, и тепло
И тени земли?
Стынет в молчанье
Крепость. В ветре
Скрежещет флюгер.

ГЕОРГ ТРАКЛЬ

О проклятые темные яды

Белого сна!

Этот диковинный сад

Мглистых деревьев,

Полный змей, ночных мотыльков,

Паучков, летучих мышей.

Пришелец! Твоя одинокая тень

В свете вечерней звезды, —

Мрачный корсар

В соленом море несчастья.

С опушки ночи слетают белые птицы

и кружат над падающими домами

Стальных городов.

/О. Бараш /

Ночная душа

Беззвучно из черной чащи синий зверь снизошел

В глубь души.

То ночь была; на мшистых ступенях снежный ручей.
Кровью, бряцаньем оружия древних времен
Наполнены сосны.

В заброшенной комнате вечно сияет луна;
Серебристая маска, упившись полночным зельем,

Склонилась над сном пастухов,
Лик молчаливый, забывший свои сказанья.
О, и медленно он раскрывает холодные руки
Под каменным сводом.

Тихо встает золотистое лето в ослепшем окне.
И звенят в зеленых травах шаги танцовщицы
Ночь напролет.
Все чаще в пурпурной тоске окликает пьяного сыч.

О облетевшие буки и черный снег.

Тихо веет северный ветер.

Здесь до восхода луны

Сумрак бродил одинокий по темным тропам

В осеннем покое. И падают снежные хлопья

На безлистные сучья.

На засохший камыш; поет,
зеленея,
хрусталь пруда.

В соломенных хижинах пусто, как па-
мять

о детстве,

На полночном ветру трепещут ветви берез.

О дорога, что тихо стынет во мраке,
И приют в розоватом снегу.

БАСЕ

Вечерним вьюнком
я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забытьи.

/ В. Маркова /

В мареве майских дождей
Только один не тонет
Мост над рекой Сэта.

Волна на миг отбежала.
Среди маленьких раковин розовеют
Лепестки опавшие хаги.

ФУДЖИВАРА-НО-КИНТО
XI век

Водная пена
Здесь исчезает,
Там восстает.
Так в этом мире
Бродим и мы

/ Бальмонт /

МИНАМОТО-НО-ТАМЭИОСИ
XI век

Будь я Луною,
Что там заходит
За горный гребень,
Я б не вернулся в печальный мир

ХЛЕБНИКОВ

Сыновееет ночей синева,
Веет во всё любимое,
и кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.
Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.
Это было, когда великаны
Одевались алой чалмой,
и моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.
Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея
И на вале морском вдалеке
Крыло поднималось косое.

В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за тихой водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но за то в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

ФЕДЕРИКО
ГАРСИА ЛОРКА

Начинается плач гитары.
Разбивается чаша утра.
Начинается плач гитары.
О, не жди от нее
молчанья,
не проси у нее молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам — плачет
как ветра над снегами — плачет,
не моли ее о молчанье!
Так плачет закат о рассвете,
так плачет стрела без цели,
так песок раскаленный плачет
о прохладной красе камелий.
Так прощается с жизнью птица
под угрозой змеиного жала.

/ Цветаева /

Только ветер исторгнет улитку,
у слона погребенную в легких
только ветер червей заморозит
в сердцевине рассветов и яблок.

Проплывают бесстрастные лица
под коротеньким ропотом дерна,
и смутней мандолины и сердца
надрывается грудь лягушонка.

Над безжизненной площадью в лавке
голова замычала коровья,
и в тоске по змеиным извивам
раскололись кристальные грани.

/А. Гелескул /

Хочу, чтоб воды остались без русла.
Хочу, чтоб ветер остался без луга.

Хочу, чтоб полночь незрячей осталась,
а сердце мое сердцевины лишилось;

чтоб с листьями долго волны говорили,
и червь дождевой чтобы умер от мрака,

чтоб зубы у черепа ярко блестели
и шелк затмевали своей желтизною.

Пусть вижу я раненой ночи страдания,
что борется с днем, вокруг него обвиваясь.

Пусть вижу закат из зелёного яда,
разбитые своды, где время страдает.

/ Павлова /

ИЗ "ПЕСНИ ПЕСНЕЙ"

Прекрасна ты милая как столица
Хороша как Иерусалим
И грозна как полк знаменный
Отведи от меня глаза
Что меня победили
Твои волосы как стадо коз
Что сбегают с гор Галаадских
Твои зубы как стадо овец
Возвращающихся с купанья
Родила из них каждая двойню
И нет среди них бесплодной
Как разлом граната твои щеки из-под фаты

Перевод Дьяконова

Встала милому отворять я
а с рук моих капала мирра
С пальцев текучая мирра
на скобы засова
Отворила я милому
а милый пропал сокрылся
От слов его дух мой замер
Я искала его не находила
Плакала — он мне не ответил
Повстречали меня стражи
обходящие город
Изранили меня, избили
Стражи стен городских
сорвали с меня покрывало

Заклинаю вас, девушки Иерусалима
Если встретится вам мой милый
Что вы скажете ему? Скажите,
что я любовью больна

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Канала устье нам двоим предстало
Мое унес ты сердце в Гелиополь
И я ушла с тобой к деревьям рощи
Всевышнему владыке посвященной

С деревьев солнечного Бога
Срываю ветвь себе на опахало
Лицом я обернулась к роще
И в сторону святилища гляжу

Отяжелив густым бальзамом кудри
Наполнив руки ветками персеи
Себе кажусь владычицей Египта
Когда сжимаешь ты меня в объятьях

Переводчик: В. Потапова

Согласно плещут весла нашей барки
По Нилу вниз плыву с вязанкой тростника
В Мемфис хочу попасть и богу Пта взмолиться
Любимую дай мне сегодня ночью

Река — вино
Бог Пта — ее тростник
Растений водяных листья — богиня Сехмет
Бутоны их — богиня Иарит
Бог Нефертум — цветок

Блистая красотой ликует Золотая
И на земле светло. Вдали Мемфис
Как чаша с померанцами поставлен
Рукою Бога

САПФО

Вы сюда к пещере критяне мчитесь
К яблонево́й ро́ще к свя́щенным нимфам
Где над алтарями клубится облак
Смол благовонных

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий ключ, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сонно
Томная дрема

Там на луговине цветущей стадо
Веет ароматами трав весенних
Сладостным дыханьем аниса льется
Вздых медуницы

Ты любила там пировать Киприда
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар богов напитков
Благоуханный

/ Голосовкер /

Венком охвати
Дика моя
волны кудрей прекрасных

Нарви для венка
нежной рукой
свежих укропа веток

Где много цветов
тешится там
сердце богов блаженных

От тех же они
кто без венка
прочь отвращают взоры

/ В. Вересаев /

ЧЖУ ДУНЬЖУ

12 век

Я поднимаюсь на башню,
Высокую башню Цзиньлина.
Осень меня обступила
Светом и тишиною.
Холодным огнем пылают
Земля и реки лавина —
Багровый разлив заката
На тысячу ли предо мною.

ЛИ ИННО
(1152 — 1220)

Над грядой Турюсана
Облака на закате повисли.
Сотни скал и ущелий
Не уступят Гуйцзы красотою
К журавлиной долине,
Взявши посох, ишу я дорогу,
В дальней чаще безлюдье,
Только слышно — кричат обезьяны.

Еле видимы башни
Трех священных вершин в отдаленье,
Затерялись под мхами
Разных надписей древние знаки.
Хоть спросил я сначала,
Как найти мне источник блаженных,
Всё же сбился с дороги
Средь ручьев, лепестками покрытых.

ИВ БРУССАР

Оголенные истерзанные итальянские тополя
клонятся под натиском ветра
скрипя и роняя с треском
обломанные ветки
завтрашние вязанки хвороста
под истошную брань злорадного ветра
бессильные даже
отбросить тень
против закатного солнца

/ Э. Ананиашвили /

ИВАН ГОЛЛЬ

Замкнулся круг моей боли
моё бытие вернулось в стихию
Стадо легендой ракушек
Я возведен в сан крапивы
Колдовством обращен в камень
Гляди
Из моих карих глаз сочится мёд
В моих пальцах блестит зелёная ящерка
Мелькает нежный рожок улитки
Я вернулся к себе как статуи
Чей голос чужим не слышен
Эхо провидческих зовов
Звучит в пещере моей груди
Рухнул купол Содома
Но его бездомные птицы
Спят на моем плече
О этот сон тонкий как стебель
Из которого утром зацветет разум

/ С нем. Г. Ратгауз /

ЖОЗЕ ГОМЕС ФЕРРЕЙРА

Естественно, как в глубоком
нутряном сне пред рассветом
дерево одинокое
ко мне протянуло ветви,
на которых вместо бутонов
раскрылись глаза человечьи...

...трепет синий, зелёный, зарево, крылья
пленные, острова с прозрачными веждами.
Солнце встает слепое из молчания мертвых.

/ С порт. И. Тынянова /

ВАЛЬТЕР ХЕЛЬМУТ ФРИЦ

Снег метет целый день

и когда занесет

и поленницу дров, и ограды,

ты увидишь, как годы твои,

исчезают за дальним холмом.

По горной дороге

тревоге вослед

уходят следы от колес.

Над вымерзшим руслом ручья

воронье крыло разрезает последние узы.

У тебя за спи-
ной

ветер дверь затворил.

Куда же теперь пойдешь?

/ В. Вебер /

АНИЗ КОЛЬЦ

Птица поет
и песня
прозрачная
словно стеклянный шар
вращаясь плавно
парит над нею
переливами красок играет
взлетает все выше и выше
и птица вдруг понимает
что отныне не властна над ней

/ В. Вебер /

Я вестник
без вести
певец
без песни

несу ностальгию
из города в город
забыв по дороге
о чем моя весть

Не знаю ни песни
живу точно ветер
я вестник
без вести

Ночью на ощупь
руками
залитыми кровью
солнца раскопки
веду я
сон погружает мои глаза
на дно глубочайших рек

мысли далеких предков
на берегах сновидений
лежат
облаками кораблей
под тяжестью
водорослей ракушек

бледнеют они
на моем челе
лежу ослепшая
рядом с солнцем
положив под голову
мертвую чайку

Анна Берже

К неудовольствию птиц
я замечаю
что ночами ерошу деревья

передвигаю леса
меняю листву

хочется вытолкнуть вдруг
голубые цветы
и ветки из головы

Ю. Сульповар

Халина Посвятовская

люблю тосковать
вбегать по перилам цвета и звука
хватать в раскрытые губы
морозный запах

люблю мое одиночество
висящее выше
чем головокружительный мост
обнимающий небо

Н. Астафьева

Роберт Крили

Ни вперед
Ни назад
Не двинуться.
Пойман

временем
его же мерой.
Что думаем
о том, что думаем о —

безо всяких причин
думаем, чтобы
думать и только —
для себя, в себе.

А. Драгомощенко

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

Параллельный снег.
Звериный дым ютится по неолитовым норам ночи.
Понимание заключено в скобки глаз,
покусывающих белое
И мозг, словно в лабиринте мышь.
Ты видишь то, что ты видишь.
Мир притаился. А ты только дичь, ступающая
с оглядкой по ворсу хруста.

Жуковский

Ты предо мною
Стояла тихо
Твой взор унылый
Был полон чувства
Он мне напомнил
О милом прошлом
Он был последний
На здешнем свете

Ты удалилась
Как тихий ангел
Твоя могила
Как рай спокойна
Там все земные
Воспоминанья
Там все святые
О небе мысли

Звёзды небес
Тихая ночь...

К востоку все к востоку
Стремление земли
К востоку все к востоку
Летит моя душа
Далеко на востоке
За синевой лесов
За синими лесами
Прекрасная живет
И мне в разлуке с нею
Все мнится что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни
Что мне об ней остался
Один блаженный сон

Русский фольклор

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты зелёная моя, кудрявая!
Ты когда взошла, когда выросла?

Я весной взошла, летом выросла.

Ты когда цвела, когда цвет опал?

Я по зорям цвела, с полдня цвет опал.

Из тебя ли же, из дубровушки
Все пташечки вон вылетывали.
Одна пташечка осталася,

Горемычная горька кукушечка.

Эдит Сёдергран

Что хочет сердце смертное мое?
Оно молчит и ничего не хочет.
Из судороги неба и земли
Возникнул призрак серый, словно пепел.
Я думаю. Я знаю, он придет
В какое-то случайное мгновенье.—
Он видит через запертую дверь
Меня и мне протягивает руку.
И выбора нет больше на земле.
Где истина? Над истиной туман.
Она живет меж змей и пепла в склепе.

/М. Дудин/

На небе ясно, и на сердце ясно,
И я едина с этой звездной ночью,
Сидящая, дрожа, на тонкой нитке,
Протянутой на землю от звезды.
Ты словно преисподняя, о время,
Обманываешь нехотя меня,
Опасностью для рук канатоходца,
Опасностью для легких ног моих.
Погибни, время!
Каждая звезда
В лицо мне говорит: — Я — это ты!
Побудь со мною! — и целует в губы.
И звездное смыкается кольцо,
И всю мою земную оболочку,
Кружа, окутывает звездный пух.

Зачем вам, люди, золото и камни?
Да будут переполнены сердца
Живой мечтой, пылающей, как уголь.
Достаньте драгоценные рубины
Из гордых взглядов ангелов.
Испейте
Воды холодной из колодцев ада,
Но только не копите драгоценных
Камней и побрякушек золотых,
Достойных разве жалких попрошайек, —
А подарите, люди, детям вашим
Еще никем не виданную силу
Прорваться сквозь небесные врата.

БАЛЬМОНТ

Есть иные планеты

где ветры певучие тише

Где небо бледнее травы тоньше и выше

Где прерывисто льются переменные светы

Но своей переменностью только ласкают

смеются

Есть иные планеты

Где мы были когда-то

Где мы будем потом

Тончайшие краски
Не в ярких созвучьях
А в еле заметных
Дрожаниях струн
В них зримы слияния
Планет запредельных
Непознанных светов
Невидимых лун

БЛОК

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то светит месяц? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке.
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?

Н. ГУМИЛЕВ

Спокойно маленькое озеро,

Как чашка, полная водой.

Бамбук совсем похож на хижину,

Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды,

Возносятся среди цветов.

/ Индия/

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет
Стук копыт участился,
Пыль все выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Пронзительный ветер.

Что это так красен рот у жабы,
Не жевала ль эта жаба бетель?
Пусть скорей приходит та, что хочет
Моего отца женой стать милой.

Мой отец ее приветно встретит,
Рисом угостит и не ударит,
Только мать моя глаза ей вырвет,
Вырвет внутренности из брюха.

/Детская песенка. Индия/

ФЕТ

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей...
Да смотреть много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Любо мне в комнате ночью стоять
у окошка в потемках,
Если луна с высоты прямо глядит на меня
И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами
По полу, комнату всю дымом прозрачным поя,
А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким проходит лучом
Между ветвями — и вниз ее золоченые стрелы
Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться по земли, сам же,
Светом осыпанный весь, черен, дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,
Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен...

Каждое чувство бывает понятней мне ночью
и каждый

Образ пугливо-немой

дольше трепещет во мгле;

Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,

Книгу держу я в руках, сам, пробегая в уме

Всё невозможно-возможное, странно-бывалое...

Лампа

Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,

А в отдалении колокол вдруг запоеет — и тихонько

В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.

Сердце в них находило всегда какую-то влагу,

Точно как будто росой омыты они.

Звук все тот же поет, но с каждым порывом иначе:

То в нем меди тугой более, то серебра.

Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая,
слышит;

В мыслях иное совсем,

думы — волна за волной...

А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет

Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно.

Так между влажно-махровых цветов

снотворного маку

Полночь, роняет порой тайные сны наяву.

Вступительные и заключительные пояснения к книге "Шедевры поэзии" применимы и к данной антологии медитативных строк.

Великий освобожденный стих.

Составитель: Александр Акулов.

